

Секция «Межэтнические и межконфессиональные отношения в России и за рубежом»

Трагедия вайнахских народов 1944 года и административно-территориальные последствия их депортации

Идалов Шамхан Тимурович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет государственного управления, Кафедра управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, Москва, Россия

E-mail: isshamkhan@mail.ru

Существует два основных подхода к вопросу о причинах депортации. Первый — официальная версия советского руководства — объясняет депортацию тем, что чеченцы и ингуши массово сотрудничали с немецкими оккупантами и вели антисоветскую деятельность, сопряженную с бандитизмом. Сторонники второго подхода, противоположного первому, отрицают факты коллаборационизма вайнахских этносов, данные относительно бандитизма среди этих народов считают сфабрикованными НКВД, депортацию объясняют личной неприязнью И.В. Сталина по отношению к чеченцам и ингушам.

Действительно, на территории Чечено-Ингушской АССР формировались вооруженные группы, которые вели, по сути, антисоветскую деятельность. Но причины этого явления носили достаточно сложный характер. Антисоветские настроения в среде чеченцев и ингушей, и участие различных групп этих народов в антисоветской деятельности послужили не единственной и, возможно, не главной причиной депортации. По нашему мнению, истинные причины выселения чеченцев и ингушей заключались в том, что вайнахи были очень «неудобными» народами для советской системы и сплоченные, ментально сильные, воинственные вайнахские народы со строгим и традиционным укладом абсолютно не вписывались в нужную коммунистам патерналистскую систему построения советского общества. Схожая оценка причин произошедшего также справедливо отмечена и зарубежными исследователями [Goff, Siegelbaum 2019, 80].

Сама депортация чеченцев и ингушей началась в ночь с 22 на 23 февраля 1944 года и проходила в течение 8 дней. При этом за день до указанных событий Л.П. Берия лично встречался с руководством ЧИАССР и высшими духовными лидерами, предупредив их о том, что в 2 часа ночи начнется депортация, и предложив подготовить население к беспрекословному подчинению властям.

Стоит отметить, что процесс депортации усложнялся тяжелыми погодными условиями, связанными с обильным снегопадом 23 февраля, в связи с чем транспортировка жителей, особенно с высокогорных районов, не представлялась возможной. С указанной ситуацией связаны события, предположительно имевшие место в ауле Хайбах Галанчожского района. Согласно утверждениям некоторых авторов, по приказу полковника НКВД М. Гвишиани свыше 700 «нетранспортабельных» больных и престарелых жителей завели в конюшню, обложили сеном и заживо сожгли [Татаева 2019, 147]. Данный инцидент расследовался в 1990-х годах чрезвычайной комиссией под руководством известного общественного деятеля С.С. Кашурко. До настоящего времени указанный факт юридически подтвердить не удалось, но, возможно, в дальнейшем будет проведено дополнительное расследование изложенных событий.

Попытка советизации вайнахов путем слома основ их самосознания оказалась неудачной. В результате выселения эти народы еще сильнее консолидировались и закрылись от внешних, «чужих» общностей. При этом репрессивные меры 1944 г. чеченцы и ингуши воспринимали во многом сквозь призму этнического конфликта — как враждебную политику русского государства, направленную против нерусских народов. Если ингуши в

конце XVIII - начале XIX века вполне позитивно встретили российскую экспансию [Исаев 2022, 161], то спустя 100-150 лет отношение к русской (советской) государственности стало крайне враждебным. Разумеется, на подобное восприятие повлияли и события Кавказской войны XIX в.

По прибытии в места поселения вайнахи должны были выжить любой ценой в новых достаточно сложных и враждебных условиях. Местное население Казахской и Киргизской ССР относилось к переселенцам подозрительно, порой враждебно. Это можно объяснить и советской пропагандой, которая объявила вайнахов врагами народа, а также тем, что переселенцы, вынужденные вести борьбу за выживание, допускали различные формы криминального поведения. Сложность условий заключалась в первую очередь в нехватке продуктов питания. Незначительные запасы продовольствия, которые люди успели взять с собой, быстро закончились, а Киргизия и Казахстан сами страдали от неурожая. Кроме того, переселенцам запрещалось покидать места своего расселения более чем на 3 км, дважды в месяц они должны были отчитываться комендантам. Естественно, вайнахи отвергали навязываемые правила и систематически их нарушали, вступая в многочисленные конфликты с местным населением и властью, что приводило к большому количеству уголовных дел.

В целях этнического самосохранения вайнахи провозгласили жесткий запрет на смешанные браки. Еще больше окреп обычай помощи неимущим семьям, безмужним, больным и сиротам. Одним из распространенных видов трудовой взаимопомощи был «белхи» — помощь всем миром [Исакиева, Гайрбеков 2020, 77].

В борьбе за выживание вайнахи использовали и все способы привычного агрессивного диалога с властью и этническими конкурентами. Известный историк В.А. Козлов, заместитель директора и руководитель Центра изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации в 1992-2013 гг., следующим образом описывает складывавшуюся в чрезвычайных условиях ситуацию: «Когда голод становился смертельным, вспоминают очевидцы, собиралась община, и старший предлагал любой ценой достать корову или лошадь, чтобы спасти жизнь остальным. Тогда находился кто-то, кто сознательно шел на такой грабеж. Потом его сажали в тюрьму отбывать срок, порой он пропадал без вести, но все знали, что он пошел на это, чтобы сохранить им жизнь» [Козлов и др. 2010, 699].

Таким образом, власти на местах и НКВД столкнулись с еще более сплоченным и консолидированным этническим сообществом, отношение с которым необходимо было хоть в какой-то степени нормализовать, разумеется, путем проведения соответствующей работы с элитами чеченцев и ингушей, которые обладали определенным авторитетом. Использовать бывших партийно-советских руководящих лиц ликвидированной республики уже было проблематично, учитывая, что, во-первых, многие из них сами разочаровались в советской власти, во-вторых, в них самих разочаровалось вайнахское общество, так как те не уберегли их от произошедшего.

Сталинскому режиму так и не удалось добиться тотального контроля над вайнахским обществом. Попытка слома традиционных общественных структур также оказалась неудачной, напротив, вайнахи еще сильнее консолидировались и обозлились.

После депортации вайнахов Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована. На месте ее центральной части был образован Грозненский округ в составе Ставропольского края РСФСР. Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский, а также Курчалоевский и Шароевский районы, за исключением северо-западных частей последних двух районов, были включены в состав Дагестанской АССР. Итум-Калинский район, западная часть Шароевского района, южные части Галанчожского, Галашкинского и Пригородных районов были присоединены к Грузинской ССР. В состав Северо-Осетинской АССР во-

шли город Малгобек, Ачалукский, Назрановский, Пседахский районы, Пригородный район за исключением его южной части, а также западная часть Сунженского района.

Одновременно началось заселение опустевших земель Чечни и Ингушетии. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северной Осетии, переселялись жители как из самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии. По разным данным, от 25 до 35 тыс. осетин были переселены из Грузии в бывшую Ингушетию.

В контексте административно-территориальных изменений также следует отметить, что в состав ЧИАССР при ее восстановлении в 1957 году были включены населенные казачьи и частично ногайцами Шелковской, Каргалинский и Наурский районы. Эти районы до 1944 г. входили в состав Ставропольского края, затем Грозненского округа. При этом Пригородный район (кроме Джераховского ущелья) по каким-то причинам остался в составе Северной Осетии. Чем руководствовалось советское руководство в ходе подобных территориальных перераспределений, однозначно утверждать сложно. Осетинский историк А.А. Цуциев полагает, что Пригородный район был сохранен за Северной Осетией, поскольку «экономически слился с Владикавказом». Видимо, сходные аргументы использовались в отношении казачьих районов, «тяготеющих к Грозному» и включенных в ЧИАССР. Однако в целом, как представляется, сыграло роль несколько факторов. Сохранение Пригородного района в составе Северной Осетии может быть объяснено частично тем, что именно здесь были расселены в 1944-1945 гг. осетины из Грузии (селения Сунжа, Комгарон, Тарское, Камбилеевское). Вероятно, их возвращение в Грузию в 1957 г. показалось властям еще большей проблемой. Пригородный район стал неким резерватом для переселенцев-осетин: сначала в Ингушетию, затем из Ингушетии. Кроме того, возможно, сыграли роль пропагандистские факторы — стремление представить территорию со смешанным населением как «район осетино-ингушской дружбы».

Что касается казачьих районов Шелковского, Каргалинского и Наурского, то их включение в состав ЧИАССР хотя и выглядит как «территориальная компенсация» за утерю ингушами Пригородного района, но на практике «компенсация» оказалась не совсем «по адресу». Эти казачьи районы примыкают к чеченским Надтеречным районам и стали сферой иммиграции и освоения именно чеченским, а не ингушским населением. Ингуши же предпочитали возвращаться в Пригородный (теперь уже осетинский) район. Очевидно, что, несмотря на идеологические обещания превратить данную территорию в «район осетино-ингушской дружбы», условия для возвращающихся ингушей здесь были иными, чем в переданных ЧИАССР районах. Возвращаться приходилось в занятые, заселенные села. «Неизбежной стала череда межэтнических эксцессов, хотя властям удалось сохранить обстановку стабильности. Появились, однако, ограничения на прописку в районе, куплю-продажу домовладений и т.д.» [Цуциев 1998, 75].

Таким образом, административно-территориальные изменения, последовавшие после депортации вайнахов, заложили основу для возникновения новых и нарастания существующих этнических противоречий. Некоторые из них, например осетино-ингушские, в начале 1990-х годов вылились в открытое вооруженное противостояние. Несмотря на разрешение вайнахам вернуться на свою Родину, долгосрочные последствия произошедшего оказались очень серьезными [The Cambridge History of Russia 2006, 503]. Из-за воздействия советской пропаганды и чеченцы, и ингуши в глазах других народов, в том числе осетин, воспринимались не как жертвы репрессий, а как народы помилованные, но виновные в реальных преступлениях. Клеймо «ненадежных граждан» за ними сохранялось еще очень долгое время. Очевидно, при таком отношении к вайнахам их возвращение на свои земли, в том числе Пригородный район, не могло вызвать положительной реакции.

Завершая анализ, необходимо еще раз отметить, что депортацию чеченцев и ингушей — как и других репрессированных народов — следует рассматривать как трагическую стра-

ницу истории, преступление против человечности [Бобринёв, Костенников 2018, 11]. Политика по отношению к репрессированным народам носила весьма жесткий характер, по мнению ряда исследователей, имела сходство с режимом апартеида [Pohl 2012, 207]. Депортация и последовавшие за ней административно-территориальные изменения серьезно усилили напряженность в сфере межнациональных отношений. Недальновидное и иллюзорное «решение» проблем, возникших в середине 1940-х гг., создало в дальнейшем череду новых проблем и внутренних вооруженных конфликтов [Там же, 11].

Источники и литература

- 1) Ахмадов [U+202F] Я.З., Хасмагоматов [U+202F] Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: [U+202F] «Пульс», 2005.
- 2) Бобринёв [U+202F] К.С., Костенников [U+202F] В.С. Причины депортации чеченского и ингушского народов СССР в 1944 году [U+202F] // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. № [U+202F] 2(15). С. [U+202F] 7–12.
- 3) Исаев [U+202F] Ш.Т. Ингуши и осетины в составе российского и советского государства (XVIII–первая половина XX в.): [U+202F] к предыстории конфликта 1992 [U+202F] г. [U+202F] // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № [U+202F] 92. С. [U+202F] 159–168. DOI: [U+202F] 10.24412/2070-1381-2022-92-159-168
- 4) Исакиева [U+202F] З.С., Гайрбеков [U+202F] А.Я. Некоторые аспекты повседневной жизни чеченцев и ингушей в годы вынужденного пребывания в Казахстане и Средней Азии [U+202F] // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № [U+202F] 11 [U+202F] (101). С. [U+202F] 74–79. DOI: [U+202F] 10.23670/IRJ.2020.101.11.083
- 5) Козлов [U+202F] В.А., Бенвенути [U+202F] Ф., Козлова [U+202F] М.Е., Полян [U+202F] П.М., Шеремет [U+202F] В.И. Вайнахи и имперская власть: [U+202F] проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX–середина XX [U+202F] в.). М.: [U+202F] Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- 6) Татаева [U+202F] М.У. О депортации как о самом трагичном событии в истории чеченцев и ингушей [U+202F] // Актуальные проблемы истории Чечни: [U+202F] взгляд молодых ученых. Грозный: [U+202F] Чеченский государственный педагогический университет, 2019. С. [U+202F] 146–149.
- 7) Цуциев [U+202F] А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): [U+202F] его предыстория и факторы факторы развития. М.: [U+202F] РОССПЭН, 1998.
- 8) Goff [U+202F] K.A., Siegelbaum [U+202F] L.H. Empire and Belonging in the Eurasian Borderlands. Ithaca [New York]: Cornell University Press, 2019.
- 9) Pohl [U+202F] O.J. Soviet Apartheid: [U+202F] Stalin's Ethnic Deportations, Special Settlement Restrictions, and the Labor Army: [U+202F] The Case of the Ethnic Germans in the USSR [U+202F] // Human Rights Review. 2012. Vol. [U+202F] 13. Is. [U+202F] 2. P. [U+202F] 205–224. DOI: [U+202F] 10.1007/s12142-011-0215-x
- 10) Smetana [U+202F] M., Ludvik [U+202F] J. Between War and Peace: [U+202F] A Dynamic Reconceptualization of «Frozen Conflicts» [U+202F] // Asia Europe Journal. 2019. Vol. [U+202F] 17. P. [U+202F] 1–14. DOI: [U+202F] 10.1007/s10308-018-0521-x
- 11) The Cambridge History of Russia. Volume III. The Twentieth Century [U+202F] / ed. by R.G. Suny. Cambridge: [U+202F] Cambridge University Press, 2006.